

Теперь уж мы вошли в 2021 год. Но подношения прошлого года не вполне разгадали. Совсем недавно думали: вот и дожили до года, в написании которого арабскими цифрами повторение двузначного круглого числа — 20. Он своей округлостью словно намекает на завершение одного из циклов в нашей жизни, пора, мол, и самим поменяться в меняющемся на наших глазах с невиданной доселе скоростью мире. Первый шаг в двадцать первом году уже не след делать с оглядкой на безвозвратно ушедшее: надобно торить новые тропы, идти к целям, кои раньше только украдкой давали о себе знать. Но правильно ли мы расшифровываем знаки новой, стремящейся к полной цифровизации молодой эпохи? Ясных ответов нет. Наблюдается некоторая растерянность. Нам довелось жить в период перехода второго тысячелетия в третье и столкнуться с тем, что вместе с нашими надеждами в новый век ворвалась сила, вброшенная в привычный распорядок дня

грядущих поколений нечто многоликое, беспощадное незнакомое, с чем приходится считаться, чего не прогнозируешь, ибо всё равно настигнет.

Нам свойственно ежедневно, планируя завтрашний день, не думать об ещё не наступившем как о пока не существующем, оно будто бы уже есть, и вчерашний день продолжает быть, хотя на самом деле реально существует только мгновение в жизни, проживаемое здесь и сейчас (вывод для художников: процесс важнее результата). Но, тем не менее, складывающаяся картина нашей жизни в сознании дарит нашему физическому телу ощущение непрерывной линии жизни в отрезке от рождения до смерти. И каждому из нас знакомо любопытство и предугадывание того, «что день грядущий нам готовит», хотя бы для планирования будущего. Умозрительно заглядываем в ожидающие нас события.

Оказавшись по случаю рождения в волнах времени, мы, несомые течением дней, словно в судёнышке

по волнам бурной реки, стараемся, применив смекалку, скорректировать движение лодки, желая обойти непредвиденные препятствия и дольше удержаться на поверхности. За кормой вздыбленные волны прожитого одна за другой, отдаляясь, пропадают в небытие, впереди — намётки будущего туманят взор. В нас, перешедших рубеж XX и XXI веков, поселилась рядом с надеждой — даром Божиим — тупая тревога, ощущаем, будто туман заволок мир, а в тумане легко напороться на риф, застряв на отмели, попасть в водоворот, перекат, столкнуться с чем-то, чему не по силам противиться. Юношеская опора на стабильность миров и постоянство взаимосвязей всего и вся с годами уступает место осознанию беспощадности времени ко всем и к каждому, времени, кромсающему направо и налево всё подряд. Часто случившееся — неожиданно даже тогда, когда мы это предвидели.

Культура и искусство неотрывны от процессов, происходящих в мире, где ныне наблюдаются признаки растерянности от информационной избыточности в условиях ускоренного течения времени, с появлением Интернета возникло восприятие мира клочками, появилась привычка довольствоваться новостями из Сети, а смартфон — наш теперь неизменный спутник — не позволяет увидеть мир целиком. Какую роль играет искусство для современных людей, и насколько глубока у них потребность в духовной реализа-

ции современников? Человек попал в сложный бытовой переплёт, когда на часах минутная стрелка принялась догонять секундную. Расслабленность вкупе с гордыней внесли послабления в нравственность, усилили животные инстинкты (иногда вопреки физической деградациии), упростили людям стиль их жизни и отдалили традиционные ценности. Все изменения, произошедшие в жизни людей на стыке тысячелетий, при которых нам довелось жить, не могли не сказаться на процессах в «храме культуры».

Во все времена возникал запрос на утоление духовного голода, как показывает история — и в трагические дни. Сердце радуют эстетически привлекательные вещи. Но эстетика видоизменяется. Какова она станет, пока не совсем ясно, ведь мы сегодня продолжаем оставаться на разломе культурно-исторического развития. Так сказать, в складке поля этого развития, из которой совсем не просто выскочить. Тем не менее, плоды этого времени порою не только обескураживают неожиданностью содержания и формы, но и способны радовать и веселить народ. При каждом минусе находится плюс — это понятно. А иначе скучным и однообразным показался бы мир. Да и невозможно, хотя бы раз не разбив коленки, научиться сносно бегать.

Нет, правда, если отбросить серьёзность, даже в слиянии трёпа с визуальным рядом можно найти некое очарование. Здесь присутствует игровой момент — а почему бы и не

пошлать? Опять же, это не выпадает из пространства иллюзий, в котором мы последнее время пребываем.

Иллюзия всегда присутствовала в человеческом общежитии, а сегодня она уж очень заигралась. Итак, мы подошли ко всем нам знакомому понятию «иллюзия», присутствие которой с каждым днём становится явственнее, отсюда число сказочников велико. Повстречаться со сказочником можно повсюду и в любое время. В нашем мире сказок обыкновенный банан, прикрепленный скотчем к стене (зачем-то — под определённым углом), называется искусством и продаётся за сотни тысяч долларов, между тем как за живописный холст, даже выполненный талантливым мастером, не спешат выложить и сотню тысяч рублей. Учитывая колоссальную разницу курсов доллара и рубля, мы видим, насколько представления о культуре искажены и сколь низко опустили культуру очарованные прелестью денежной купюры люди.

Чуть ли ни с пелёнок мы приучены доверять сказкам, верить им и сопереживать сказочным героям. А однажды обнаружить себя внутри сказочного мира, уже будучи взрослым человеком, заражённым невежеством и скепсисом, вот потеха — гол команде парадоксов, прибавление в копилку маскарадных менеджеров! По-своему жить среди сказок интересно, если только недолго, и относиться к этому с юмором. Но беда в том, что сказки становятся нашей реальностью, к тому же — далеко не

все из них радуют. Шкала оценок также подверглась изменениям, ориентируясь на среднестатистическую единицу (результат глобализации). Скорее всего, пока рано давать оценку всему, что с нами происходит. Не является ли фатальным наш выбор, который, кажется, был неотвратимым? Только положившись на интуицию, возможно что-то для себя понять, и то приблизительно.

А если серьёзно, в жизни важен эмоциональный фон, так сказать — не выпачканная ложью атмосфера; а в живописи — качество живописной поверхности, возможно, более важно, чем раскрытие сюжета, поскольку в живописной поверхности присутствует энергетика, между тем, как раскрыть сюжет могут многие, фантазировать не привыкать, в том числе на злободневные темы или темы, модные в народе.

Глупо полагаться на полное понимание со стороны зрителя и ему угождать. А он, зритель, со своей стороны, часто не доверяет самому себе и при покупке произведения искусства обращается за советом к эксперту. Эксперты тоже люди, и им свойственно ошибаться — намеренно или невольно. Так трудно плыть в *адекват* тем представителям общества, в ком информационный и эмоциональный перегруз засел уже давно, отчего усталость и растерянность стали диагнозом. И следует отметить некую данность: для каждой личности всё, воспринятое ею, в какой-то мере оттенено только ей свойственными

оттенками, что в той или иной степени оказывает влияние на выбор. Хотя... Хотя уши играют огромную роль в этом деле. Внушение, вот это — инструмент! Опять же, всё это встраивается в понятие «иллюзия» и является «правдивой сказкой».

Гул великой болтовни возвысился над бесхитростно устроенной жизнью граждан, не готовых сопротивляться безудержному натиску болтунов. Искусная болтовня набирала обороты и делалась сложнее, задорнее, проникновеннее, привлекательней и, кажется, достигла вершины.

Здесь тому вятелю повезёт, кто сумеет больше душевных струн задеть у большего числа зрителей своей работой. А число зрителей может быть слишком велико, что и не посчитать, и в большинстве своём это — либо невежи, либо — что хуже — с испорченным вкусом самоуверенные обладатели твёрдых лбов, счастливые в своих заблуждениях.

Для сохранности человеческого облика и мотивации продолжения жизни человек нуждается в эстетической подпитке, этом топливе положительным свойствам души, где составные её части — способность восторгаться и заниматься медитациями. Живопись — поле для медитации, без хорошей литературы личность деградирует. К сожалению, ошеломительная скорость смены событий на стыке веков, принося физическую усталость, мешает полному утолению духов-

ного голода. К тому же, в таком тяжёлом ритме усиливается конфликт мировоззрений, и не до усмирения спорщиков. Когда круговерть, характерная для переходного периода в жизни людей, успокоится и бой мировоззрений ослабнет, возникнет потребность в неподдельном искусстве, возвышающем дух, и тогда мир обретёт гармонию. Надо надеяться!

В основном, необходимость в обустроенном быте мотивирует делать уютные предметы и создавать удобные в применении вещи, милые сердцу и приятные во времяпровождении. К тому же красивая вещь — практичнее и служит дольше. Например, дом, построенный обдуманно, с любовью, охотнее станем поддерживать в хорошем состоянии, нежели сделанный тяп-ляп. Людям свойственно окружать себя предметами искусства, часто неосознанно. Возможно, для киборгов дизайнерские решения бытовых предметов не будут иметь большого значения, но пока мы — люди — живём среди себе подобных.

К сожалению, новый век привнёс в моду подражание кукольному идеалу, нечто ненастоящее стало привлекать многих из нас, хотя и поражённых синдромом разрушительного нетерпения, нередко вместе с избыточным эгоизмом, причиной озлобленного неприятия всего того, что не входит в предоставленный кем-то общий стандарт и не ложится в понятия, сложившиеся в период бешеной скачки нового времени. В такой ситуации захочешь высказаться: «Пра-

во же, бесцеремонность, проявленная в наши дни, сопровождается бурной фантазией, больше смахивающей на буйство измышлений. Это есть безудержная, бесконтрольно разудалая бравада как следствие отсутствия понятия меры, что некоторым гражданам вовсе незнакомо». Да и откуда взяться большому числу тех, кто задумывался бы о чувстве меры и помнил об этом при создании чего-либо в такой круговерти, какую устроило нам начало третьего тысячелетия.

Заблуждение — источник иллюзий. Нередко иллюзии направляют разрушительную силу не только на саморазрушение человека, но им удаётся нанести урон пониманию реального положения дел целым группам людей, создавая ложные представления об устройстве жизни, о том или ином деятеле. Исторических примеров здесь хватает: не сразу оценили картины Вермеера, Ван Гога, Гогена и прочих гениев, чьи полотна теперь признаны шедеврами.

Иллюзии не планируются — они случаются. Вряд ли пришло бы кому-нибудь в голову строить иллюзии о стабильной удовлетворительной жизни в период смены лица страны, ведь все понимают, что стабильности в эпоху перемен не бывает, но есть надежда, от которой до иллюзии — один шаг. Похоже, иллюзия почти всегда тут как тут. Если бы сказали несколько лет тому назад, что стрясётся такое, не радующее сердца многих, преобразование окружающей среды и психология людей поменяется после того, как со-

бытия в стране опрокинут её в хаос, и люди почувствуют потребность в обновлении себя для понимания происходящих процессов вокруг них, в чём бессознательно (или сознательно) сами участвуют, кто бы поверил в это? Нам почему-то нравится убедать себя, будто всё в наших руках. Но мы видим: от нас почти ничего не зависит. Культурная жизнь страны напрямую зависит от процессов в стране — это понятно.

Только можем кое-что использовать, если сумеем взглянуть на всё вокруг нас и себя со стороны. Кто из художников мужественно идёт навстречу тяготам? Единицы. И то при условии, что без тягот не обойтись в достижении намеченной цели, а цель, по-твоему (по-моему), того стоит. Иными словами те, кто по-настоящему готов к служению.

Если в недавнем прошлом изображение людей с пустым овалом вместо лица, как это рисовал Малевич в супрематических картинах, нуждалось в пояснении, то нынче оно удивит многих. Условности мы уже уяснили, теперь душа (или сознание), по-видимому, требует следующего шага в обновлении, например, двигающегося изображения, схожего с существом из плоти и крови, почему бы нет? Точно намереваемся создать искусственного противника из искусственных материалов и вызвать эту людьми воплощенную форму на состязание, зная: победа за вызывающим на бой, ведь противника в любую секунду можно изъять из действительности.

Но это пока... А когда искусственный противник будет наделён способностью самосовершенствоваться и, тем более, анализировать происходящее, сам себе определять объём работы для выполнения, задавать вопросы и давать на них ответы — что тогда? Но ведь умная подвижная форма проделает всё это согласно задаче, заданной ей её хозяином — человеком! А если случится сбой, и машина перестанет подчиняться тому, кто физически слабей и в некотором смысле глупей, зато из плоти и крови?

Теперь же не станем далеко заглядывать, а поговорим о положении дел в искусстве сегодня. В области искусства происходят большие перемены, выходящие за пределы традиционных рамок, и эти перемены не подлежат безоговорочному пониманию теми из нас, кому дышит в затылок прошлый век.

Как быть тому, что отвержено современным искусством? К счастью, ещё пока не совсем отвержено, но значение всячески принижается. По крайней мере, такое отношение наблюдается ко всему классическому. Особенно модно стало снисходительно относиться к живописи, просто живописи, а не к плакату в живописной технике с элементами шаржа либо экспериментальным изыскам на холсте масляными красками. Так что некоторые из художников, принадлежащие к классу потенциально отверженных, не выдерживают нежданного обидного принижения их статуса в период формирования

мироустройства XXI века и вступают в гонку по остроумию в рамках своего ремесла. Но чаще вступивший в такую гонку профессионал проигрывает молодым непрофессионалам. Констатировать степень униженности проигравшего — сущность его при вступлении в опасную игру меняется — возможно по их картинам. Известно: энергетика, заложенная в картине, никогда не обманывает. Картина — лакмусовая бумажка сути художника, его души и показатель честности творца. Представление о душе художника даёт не то, что он написал, а то, с какой интонацией.

Часто в стремлении к совершенству уж перестали люди искать и находить решение вопросов в живой природе, камне, небе, строении ползучих тварей, скакунов, крылатых особей и прочих, а склонились перед машиной без слабостей живого человека. *Зачем иной не прочь прикинуться картинкой, от посторонних глаз укрыть живые чувства? К чему стыдимся слабости?* Хотим счастливых на земле людей без недостатков и болезней. Но насколько верно определилась стартовая линия и каков финиш?

Разве сегодня искусственная роза способна превзойти живую розу, хотя не вянет и не имеет коварных шипов на стебле? Также и кукла-робот, сколь ни была б совершенной машиной, ей не превзойти живого человека, это чувственное, хрупкое, быстро стареющее существо, пускай даже уступающее машине в сообра-

зительности, красоте и физической силе, ведь и слабость наделена силой победителя. Вечно сохранный форма — конечно, условно — не вызовет к себе больше сочувствия, чем рождённый обыкновенной женщиной человек, и не заинтересует судьба искусственной формы в той мере, в какой интересует судьба живого существа, особенно близкого по крови или играющего важную роль в твоём (моём) становлении как личности.

Но, надо сказать, выйдя из-под руки земного создателя, то бишь учёного, художника-конструктора она, кукла, способна вызвать неподдельный восторг и желание у мастера созидать, совершенствоваться в мастерстве из желания превзойти другого мастера, создавшего это чудо. Живое и условно живое, чему дал жизнь человек, взаимодействуют, они привязаны друг к другу, ведь, не будь в такой форме необходимости, ей не суждено было бы и появиться. К тому же всё существующее на этом свете сплетено не по нашей инициативе и воле, а находится внутри котла вселенной. Если хотите, все мы — смесь ингредиентов какого-то варева.

До какого предела позволить машине совершенствоваться? Вот над чем следует подумать, прежде, чем давать волю машинам. До чего доведёт нас неуправляемая фантазия в этом направлении!? А в изобразительном искусстве? Что толкает художников становиться, в некотором роде, служителями храма Мельпомены, выходить на условные театральные

подмостки, превозмогая собственную натуру, требующую уединения? *Увлёкшись сдуру современной пляской, не вникнув в ритм движения, творит неволью над собою шутку, пятнает лапой свой короткий век, о, чело-в-е-к!*

На самом деле, люди устали от привычного, размеренного распорядка и склонились весело бытовать, весело деньги зашибать, весело сшибать головы... *Есть место для тебя (меня) в раздолье чужих волей?*

Собственные намерения порою больно бьются о чужие «воли» у порога к воплощению, но изобразительное искусство тем и хорошо, что даёт простор личной инициативе без оглядки на других. В искусстве бытует личная свобода: дела спорятся и тогда, когда у занятых в других областях людей дела стопорятся из-за внешних факторов. И опять — но! Мотивация у живописцев истощается от наплевательского отношения общества к культуре. И это всё допустил человек-соотечественник, современник! От склонности изжить в себе как можно больше человеческого в угоду идеальной машине или по чьему-то наущению это происходит?

Когда искусство маневрировать, модуляция, страсть по экспериментам, выпячивание себя и прочие чудеса начала 3-го тысячелетия получили развитие и стали совершенствоваться, мысль о том, что деятелям культуры необходимо приложить усилия для возврата образа интеллигента в том виде, какой ныне представляется идеальным, однажды пришедшего

и сегодня уходящего, не покидает художника, вечно озабоченного чистой в «храме культуры», над которым нависла угроза чистки агрессивным уборщиком современности.

Далее, следуя собственной мотивации раскрыть свой взгляд на процессы в изобразительном искусстве, приведу мысли из вступительной главы моей повести «Мистер Искусство, похоже, жив». Находя мир в начале XXI века подвижным, разнообразным, нескучным, нельзя отрицать, что он, однако, чересчур неоднороден и членился на фрагменты, не поддающиеся объективной оценке очевидцев, ибо те фрагменты, мельтеша в сознании, не выглядят последовательными и не успевают выстроиться в понятный очевидцу ряд. К тому же образ жизни людей внутри формирования миров на стыке столетий, обыкновенно ускользает от их беспристрастного взгляда, как, впрочем, в любые времена человек грешит пристрастием ко всему, что с ним связано. В период смены одного тысячелетия другим, когда и предметы культуры, отражающие текущее время, несут в себе нечто революционно-острое — хотя ничего принципиально нового в них нет, ведь человеку свойственно опираться на ранее приобретённый опыт — людям, живущим во время перемен, невозможно им дать объективную оценку.

Предположу: создание действительно нового в искусстве — иллюзия. Потребность новизны в видении природы толкает к поиску иной трак-

товки природы на идейном обосновании того, как её понимает личность, живя в социуме и имея определённый опыт. Теперь, при смене тысячелетий, вымысел, умело маскируясь под явь, нередко уводит от понимания реального положения дел, тогда виртуальные образы заслоняют собой реальные, а порою даже играют почти одинаковую с ними роль в жизни людей. И здесь замечу: виртуальное возникает из фантазий, основанных на пережитом.

Существование виртуальной реальности с действительностью формирует продукт новой эры. Дух противостояния, бывшего с наступившим, готовит почву новому: над этим уже нависла угроза преодоления. Так было, есть и будет — цикличность времени! Но у каждой эпохи есть своя отличительная черта. В формирующуюся на наших глазах эпоху — помесь виртуальной реальности с действительностью — возникло массовое увлечение собственной персоной, этакий нарциссизм тяготеющего к расширению ареала нового человека, где бы скопилось много глазееющих на него восторженных зевак.

На небе звёзд ускорило движение, а на земле звёзд появилась тьма.

Чем больше их числом,
тем меньше их цена.

А нищетой задавленный бедняга, представив важной птицею себя, хоть лучше бы ему назваться уткой, мечтающей на праздничном обеде смотреться гусем в яблоках на блюде,

вдруг встретит безразличие людей
к своей персоне.
О сколько испытает горьких дней —
его усилия стать чуточку видней
напрасны были.

...Размышляя над тем, куда ведут
изменения эстетических представ-

лений, способов выражения и прин-
ципов, художник задумывается и об
изменениях в мироощущении лю-
дей, которое, в свою очередь, влияет
на мироустройство. Представления
о мире формируют его образ, кото-
рый ложится в основу художествен-
ного творчества.